

**Рец. на кн.: NICK MEGORAN. NATIONALISM IN CENTRAL ASIA:
A BIOGRAPHY OF THE UZBEKISTAN-KYRGYZSTAN BOUNDARY.
Pittsburgh, PA: University of Pittsburgh Press, 2017. 348 p.**

Сергей Николаевич Абашин

Европейский университет в Санкт-Петербурге
6/1А Гагаринская ул., Санкт-Петербург, Россия

s-abashin@mail.ru

Аннотация: В рецензии рассматриваются новые интерпретации истории национализма в бывших советских странах Центральной Азии, предложенные в книге Ника Мегорана. Изучая современное национальное строительство, исследователь приходит к выводу о том, что политические проекты национализмов в разных странах встречаются с моральными картами местных жителей, в которых этничность не играет ведущей роли. Тем не менее история, изложенная Мегораном, выстраивается, как считает рецензент, в логике неизбежности пришествия национализма, материализации национальных границ и этнизации местных идентичностей.

Ключевые слова: национализм, Центральная Азия, границы, узбеки, кыргызы, идентичность.

Для ссылок: Абашин С. Рец. на кн.: Nick Megoran. Nationalism in Central Asia: A Biography of the Uzbekistan-Kyrgyzstan Boundary. Pittsburgh, PA: University of Pittsburgh Press, 2017. 348 p. // Антропологический форум. 2020. № 44. С. 166–172.

doi: 10.31250/1815-8870-2020-16-44-166-172

URL: <http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/044/abashin.pdf>

**A Review of NICK MEGORAN, NATIONALISM IN CENTRAL ASIA:
A BIOGRAPHY OF THE UZBEKISTAN-KYRGYZSTAN BOUNDARY.
Pittsburgh, PA: University of Pittsburgh Press, 2017, 348 pp.**

Sergey Abashin

European University at St Petersburg
6/1A Gagarinskaya Str., St Petersburg, Russia

s-abashin@mail.ru

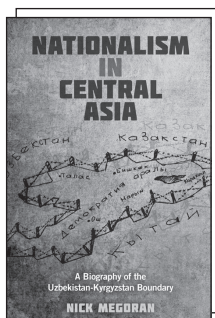
Abstract: The review considers Nick Megoran's new interpretations of the history of nationalism in the former Soviet countries of Central Asia. Megoran, who examines modern nation-building, claims that nationalisms as political projects in different countries encounter the local residents' moral maps, in which ethnicity does not have a leading role. However, the reviewer believes that Megoran's narrative is guided by the logic of unavoidable nationalism, materialization of national borders, and ethnicization of local identities.

Keywords: nationalism, Central Asia, borders, Uzbeks, Kyrgyz, identity.

To cite: Abashin S., 'A Review of Nick Megoran, *Nationalism in Central Asia: A Biography of the Uzbekistan-Kyrgyzstan Boundary*. Pittsburgh, PA: University of Pittsburgh Press, 2017, 348 pp.', *Antropologicheskij forum*, 2020, no. 44, pp. 166–172.

doi: 10.31250/1815-8870-2020-16-44-166-172

URL: <http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/044/abashin.pdf>

Рец. на кн.: **Nick Megoran. Nationalism in Central Asia: A Biography of the Uzbekistan-Kyrgyzstan Boundary.** Pittsburgh, PA: University of Pittsburgh Press, 2017. 348 p.

В рецензии рассматриваются новые интерпретации истории национализма в бывших советских странах Центральной Азии, предложенные в книге Ника Мегорана. Изучая современное национальное строительство, исследователь приходит к выводу о том, что политические проекты национализмов в разных странах встречаются с моральными картами местных жителей, в которых этничность не играет ведущей роли. Тем не менее история, изложенная Мегораном, выстраивается, как считает рецензент, в логике неизбежности пришествия национализма, материализации национальных границ и этнизации местных идентичностей.

Ключевые слова: национализм, Центральная Азия, границы, узбеки, кыргызы, идентичность.

Тема национализма, несмотря на свое уже исчерпывающее, казалось бы, теоретическое осмысление в последние 40–50 лет, до сих пор не перестает привлекать новых исследователей из различных дисциплин. Чаще всего появляющиеся работы ставят целью решение не общих вопросов истории национализма, а анализ отдельных ситуаций, которые еще не становились предметом специального изучения и могут если не поставить под сомнение прежние теории, то по крайней мере, с одной стороны, разбавить исследования национализма новыми и своеобразными примерами и, с другой стороны, активнее включить современную теорию национализма в описательный язык региональных исследований. Такого рода исследования интересны и поучительны глубоким погружением в конкретный материал, разбором конкретных, неабстрактных национализмов, удачей или неудачей попыток наложить теорию на реальные события.

В своей книге «Национализм в Средней Азии: биография пограничья Узбекистана и Кыргызстана» Ник Мегоран обращается к новейшей истории одного из регионов бывшего СССР, где переплелись взаимоотношения целого ряда новых независимых государств, возникших после 1991 г. В фокусе внимания оказались только два из них,

Сергей Николаевич Абашин
Европейский университет
в Санкт-Петербурге,
Санкт-Петербург, Россия
s-abashin@mail.ru

Кыргызстан и Узбекистан, и их приграничная политика в месте соприкосновения в Ферганской долине. Здесь автор в течение более 20 лет вел свои исследования. Немного рассказав об истории региона, основное свое внимание он уделяет тому, как сегодня национализм создается через различные формы социального сознания, политической стратегии и бытовых практик (Р. 17), противопоставляя «постклассический подход», разработанный Брубейкером и Билингом, «классическим теориям» Геллнера, Андерсона, Хобсбаума и Смита, больше озабоченным происхождением национализма. Своей задачей, которую автор обозначил во введении, озаглавленном “Making Borders, Making Worlds”, Мегоран видит анализ того, как недавно появившиеся на карте мира национальные государства создаются / производятся элитой и повседневностью, как разные акторы и разные национальные проекты сосуществуют и конкурируют друг с другом, как они меняются в динамике в зависимости от разных событий и решений и как воспроизводятся различные альтернативные национальному государству формы жизни.

В более узком смысле автора, по специальности географа, интересует процесс построения границ (bordering) между странами. Мегоран отвергает взгляд на пограничные споры как извечные межэтнические антагонизмы, борьбу за территории и ресурсы, наследие советской политики «разделяй и властвуй» или вопрос технических сложностей. Для него границы — это результат того, как национальные государства видят, воображают, обсуждают и пытаются материализовать свои национальные территории. Исследователю важно пространственное измерение национализма, в котором межгосударственные границы, не только в виде линий на земле, но и воздушных, морских и подземных конфигураций, постоянно материализуются, рематериализуются и дематериализуются (Р. 19), создавая биографию границ (boundary biographies). Мегоран пытается увидеть в этом не только искусственную конструкцию, но и то, какой смысл, значение и цель имеют строительство нации и границы для людей, услышать то, как говорят сами люди о границах.

В двух первых главах книги “Uzbekistan: Building the Nation, Defending the Border” и “Kyrgyzstan: Contested Visions of the Nation” рассказывается постсоветская история воображения и материализации двух национализмов. Этот анализ хорош тем, что показывает не только то, какими разными, даже зеркально противоположными могут быть национализмы, но и то, что каждый национализм создается в транснациональной перспективе, через образы внешних «других» и своего рода диалог с ними.

Мегоран описывает политический режим в Узбекистане, существовавший несколько десятилетий при прежнем президенте

Каримове, как авторитарный (neopatrimonial authoritarianism), нелиберальный, экономически относительно стабильный, рассчитывающий на постепенные изменения при политике протекционизма, подавляющий внутреннюю оппозицию, в том числе исламскую. Согласно официальной идеологии национальной независимости, узбекская нация существовала издавна, пережила расцвет в эпоху Тимура, но потом подвергалась внешней угрозе и репрессиям, 1991 год стал исполнением надежд на освобождение и строительство великого будущего. Все пространство страны было переделано в соответствии с этими установками. Терракты 1999 г. в Ташкенте и бунт в 2005 г. в Андижане привели к изменению политики границ, были установлены жесткие правила их пересечения, приграничные территории в дальних районах заминированы. Границы национального государства превратились в рубеж, охраняющий внутренний мир и спокойствие от угроз со стороны агрессивных, отсталых и нестабильных соседей. В национальном воображении границы стали играть важную символическую и материальную роль, они не только защищали экономику и безопасность, но и создавали чувство «своих», отделенных от «других», границы стали местом опасности со стороны «других» и заботы по охране, «свои» и «другие» здесь трансформировались в моральную границу между добром и злом, раем и адом. Изучая газету “Halq So’zi” («Народное слово»), автор приводит множество риторических примеров, показывающих такие соседние страны, как Кыргызстан, Таджикистан и Афганистан, источником политического хаоса, исламского экстремизма, терроризма, наркотиков, отсталости, грязи и эпидемий, бедности (впрочем, из текста неясно, имеют ли Казахстан и Туркменистан, которые тоже граничат в Узбекистане, такой же образ или в этих случаях картина иная). Реформа и героизация пограничной службы, переделка пограничной территории, уничтожение трансграничных инфраструктур и путей сообщения, а также запрет деятельности международных организаций стали способами материализации этих представлений в повседневной жизни людей.

Национальное строительство в Кыргызстане тоже происходило вместе с созданием границ, но логика и траектория этого процесса, как показывает Мегоран, отличались от Узбекистана. Кыргызстан считается открытой, демократической страной с относительно либеральной экономикой и относительно толерантным отношением к религии, но вместе с тем бедной и нестабильной. Политическая система строится на коалициях или сетях элит, которые имеют в основе патрон-клиентские, родственные и региональные связи. Вместе с тем все политики, несмотря на разные позиции в борьбе за власть, в той или иной

степени являются националистами, и национализм — ключевой фактор государственного строительства и его легитимации (Р. 80). В центре национального нарратива находится фигура мифического героя Манаса, с образом которого связано постномадическое политическое воображение (*imaginary*) с акцентом на племенной структуре и генеалогии, играющими важную роль в политике и повседневности. В правление первого президента Акаева предпринималась попытка построить национальное государство как «наш общий дом» в сотрудничестве с соседними странами по «шелковому пути». Однако оппозиционная элита, риторику которой анализирует автор, активно изображала (авторитарных) соседей как проблему для Кыргызстана, как стремящихся покуситься на территорию страны и подорвать ее единство и согласие при помощи нелояльных этнических меньшинств, прежде всего узбеков на юге (к слову, автор не объясняет развернуто, почему именно узбеки стали главной мишенью таких подозрений, а не русские и русскоязычные). Идеалом в этой альтернативной программе должна была стать этнически и лингвистически однородная страна кыргызов. В 2005 г., во время «тюльпановой революции», оппозиция свергла Акаева и сделала свои взгляды официальными. Новый президент Бакиев стал прилагать большие усилия для защиты и материализации границ Кыргызстана.

В следующей главе “Caught in the Middle: Life in the ‘Neutral Zone’” Ник Мегоран радикально меняет свой взгляд и предлагает увидеть кроме национальных государств, которые делят между собой карту Ферганской долины, множество других микрородин (*micropatria*) — спорные территории, демилитаризованные зоны, автономии, оккупированные территории, оффшоры, анклавов и эксклавов, протектораты и мандатные территории, нейтральные зоны, непризнанные государства и т.д. Взгляд из центра, который рассматривает эти случаи, как правило, в качестве аномалии, может не соответствовать взгляду изнутри или снизу, где такие микрородины нормальны и определяются не политической картой наций, а скорее моральной картой родственных связей и обязанностей и более гибким и подвижным восприятием идентичности (Р. 135).

В этой главе автор, используя этнографические наблюдения и интервью, смотрит на жизнь небольшого селения Чек, расположенного на границе Узбекистана и Кыргызстана на востоке Ферганы. Еще в 1990-е гг. жители этого кишлака со смешанным кыргызско-узбекским населением продолжали жить и свободно передвигаться между двумя странами, границы между которыми не были определены и материализованы, география локальных центров (университетов, базаров, святых мест, транспортных узлов) не совпадала с национальным виде-

нием. В процессе делимитации часть селения Чек оказалась в спорной полосе и стала «нейтральной зоной», где граждане двух стран жили чересполосно одним сообществом, хотя имели раздельные администрации, школы и даже разный счет времени. Здесь сохранялось двуязычие, гибкие и смешанные идентичности, больше религиозной свободы. Здесь же благодаря тому, что «не было border-shmorder», шли тропы нелегального движения людей и вещей.

С 1999 г. правила пересечения границы и жизни у границы в Узбекистане стали ужесточаться. Это насилие, как пишет исследователь, породило сопротивление и подрывные действия: увиливание и обход правил, обман и манипуляции, взятки, нелегальные движения, игнорирование и оспаривание указов чиновников и даже открытые протесты с атаками на пограничников, в чем узбеки и кыргызы часто объединялись. Вместе с тем в главе оспариваются понятия «коррупция» и «сопротивление» и предлагается увидеть скорее повседневную нормализацию неформальных отношений, где все агенты признают ценность местных культурных норм (Р. 170–171). Однако, заключает автор, возможности такого сопротивления или нормализации имеют свои пределы: в 2010 г., после событий на юге Кыргызстана, о которых идет речь в следующей, четвертой, главе, узбекская сторона вывезла своих граждан из нейтральной зоны, то же самое сделала и кыргызская сторона, Чек как пространство «между» прекратил свое существование.

Последнюю главу “Osh’s Borders: A Matter of Life and Death” исследователь посвящает анализу событий июня 2010 г., когда в Южном Кыргызстане произошла, по словам его информантов, «война», или погромы, основными жертвами которых были местные узбеки, прежде всего в крупнейшем городе Ош. Как считает Мегоран, эти события стали кульминационной точкой изменения территориальных практик формирования национального государства и придания этничности пространственных форм. Тот национализм, который стал господствующей идеологией в Кыргызстане, о чем автор подробно писал во второй главе, создал двойную неустроенность (precarity) в языке и ощущениях жителей Оша. С точки зрения узбекских горожан, Ош был несправедливо передан Киргизской республике в 1920-е гг., что искусственно отделило их от Узбекистана как «этнически родного государства» (ethnic kin state). Это чувство незащищенности усилилось после 1991 г., когда ошские узбеки стали гражданами независимого Кыргызстана, а «русские» перестали быть медиаторами в отношениях узбекского меньшинства с местной властью, которая постепенно стала говорить о них языком расизма и дискриминации. Но и у горожан-кыргызов тоже, как полагает Мегоран, сформировалось чувство неустроенности,

связанное, в частности, с небезопасностью границ «своего» национального государства. В этом нарративе кыргызы будто бы не являются хозяевами на «своей» земле, могут ее потерять из-за политики Узбекистана и «пятой колонны», состоящей из местных узбеков. Эти опасения, которые автор опровергает как безосновательные, стали тем не менее официальными обвинениями в адрес местных узбеков как зачинщиков июньской «войны» и сопровождалась всё более активным государственным преследованием любых форм публичного присутствия узбекскости в стране. Кыргызстанские узбеки ответили на это миграцией в Россию и другие страны, избеганием публичности и демонстрацией лояльности. При этом практики совместного проживания, обмена, взаимодействия остались, как осталась отчасти советская риторика «дружбы народов», что дает надежду, заключает автор последнюю главу, по-прежнему видеть в Оше место встречи разных народов, возможности обсуждать эти отношения языком родства, класса и даже региональной конфедерации, а также возможность создавать общие истории города в разных контекстах.

В заключении, названном “The Destruction of the Ferghana Valley”, Мегоран возвращается к теме неизбежности тех насильственных перемен, которые произошли в регионе под влиянием национализмов в течение 20 лет. Хотя практики и идентичности в регионе всегда были гибкими, но националистическая воля элит материализовалась и насильно распределила идентичность через границы, разрушая трансграничные отношения. Ош как мультикультурный город, как и Чек, был разгромлен в логике границ и столкновения национализмов. Это не означает, пишет исследователь, что такой итог был неизбежен, скорее он явился следствием целого ряда сиюминутных решений, принятых политическими элитами Кыргызстана и Узбекистана в процессе национального строительства. Даже в национальной логике, уверяет он, возможны были другие варианты развития событий, менее насильственные, более открытые к взаимодействию. Телеологическому объяснению процессов национального строительства Ник Мегоран противопоставляет «теологию власти», которая наделяет только божественную волю предопределяющей силой, но лишает при этом сакральности суверенитеты, границы и идентичности, открывая возможности для их дематериализации. Такая богословская нотка в академическом исследовании нужна автору для того, чтобы избежать напрашивающихся пессимистических выводов, хотя я не уверен, что многих читателей такой довод вдохновит.

Пока, увы, анализ, представленный в книге, не дает оснований обнаружить в прошлом или настоящем тенденции, которые могли бы быть противовесом растущему национализму в двух

соседних странах Средней Азии. Возможно, такой альтернативой мог бы стать ислам, объединяющий людей по вероучительным, а не этническим признакам, но эта возможность в книге специально не изучается, автор обходит стороной религиозную тематику, несмотря на то что ислам явно превращается в последние годы во влиятельную идеологию и самоидентификацию. Пока же история, изложенная автором в книге, выстроена, несмотря на оговорки, в логике неизбежности пришествия национализма и укрепления национальных границ. Если к событиям в Чече и городе Ош в 2010 г. добавить погромы, которые имели место еще в советское время, в 1990 г., о которых автор вспоминает очень кратко (Р. 194, 207, 208), и, например, споры о границах в 1920-е гг., то картина становится еще более прямой и скорее циклически повторяющейся, нежели ставшей результатом постсоветской политической динамики. Перед нами действительно сложная методологическая проблема характера и глубины национальных чувств, проблема, которая, несмотря на подробный, аргументированный и интересный рассказ в рецензируемом труде, всё же остается не полностью решенной загадкой.

Сергей Абашин

A Review of Nick Megoran, *Nationalism in Central Asia: A Biography of the Uzbekistan-Kyrgyzstan Boundary*. Pittsburgh, PA: University of Pittsburgh Press, 2017, 348 pp.

Sergey Abashin

European University at St Petersburg
6/1A Gagarinskaya Str., St Petersburg, Russia
s-abashin@mail.ru

The review considers Nick Megoran's new interpretations of the history of nationalism in the former Soviet countries of Central Asia. Megoran, who examines modern nation-building, claims that nationalisms as political projects in different countries encounter the local residents' moral maps, in which ethnicity does not have a leading role. However, the reviewer believes that Megoran's narrative is guided by the logic of unavoidable nationalism, materialization of national borders, and ethnicization of local identities.

Keywords: nationalism, Central Asia, borders, Uzbeks, Kyrgyz, identity.